

Еженедельник общественной и политической мысли

„POSSEV“

Sozialpolitische Rundschau in russischer Sprache. Deutschlands Social and Political Review in Russian Language. Germany Hebdomadaire Social et Politique en langue russe. Allemagne Publisher: Vladimir Gorachek, Limburg/Lahn. Printer: Limburger Vereinsdruckerei in Limburg/Lahn. Published weekly. Circulation 4000. Sponsor: International Refugee Organization. Bankkonto: Limburger Bank V 14 und Nassaulsche Landesbank, Limburg, 174 316. Postscheckkonto Frankfurt M. 34 61.

Издательство и редакция: Verlag „Poesev“ Limburg/Lahn, Postschließfach 77, Telefon 608.

Выходит по воскресеньям. Цена номера а розничной продаже 70 пфен.

VII ГОД

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 4 МАРТА 1951 г.

№ 9 (248)

СТРАНА НЕРАВЕНСТВА

А. Николин

Началось с призыва: «Мир хижинам — война дворцам!» Кончилось подмосковными дворцами и сочинскими дачами партийной знати и беспощадной войной с обнищавшими хижинами.

Началось с ленинского: «каждая кухарка может управлять государством». Кончилось декретом о плате за право учения, об обязательном наборе в ФЗО, фактической невозможностью для сына рабочего или колхозника выбрать себе ту же дорогу, что открыта, скажем, сыну секретаря обкома или полковника войск МВД.

Началось... Впрочем, эти «началось» и «кончилось» настолько хорошо известны нашим читателям и так их, этих «началось» и «кончилось», много, что нет надобности их приводить.

Советский Союз — страна величайшего социального расслоения, величайшего социального неравенства в распределении материальных благ и возможностей. Равенство достигнуто лишь в одном: во всеобщем политическом бесправии. Из Кремля, или из Дома писателей так же легко попасть на Лубянку, как с «жилплощади» какой-нибудь «коммунальной квартиры» московских рабочих кварталов.

Случайно ли это неравенство? Нет, утверждаем мы, оно не случайно. Оно коренится в самой природе большевизма, и с каждым годом его существования оно будет лишь увеличиваться, но никак не уменьшаться.

Первооснова большевизма — замысел неограниченного властвования над рабами. Совсем, как у Шигалева: «начав с безграничной свободы, я кончаю безграничным ее отрицанием». Кроме этого замысла, у большевизма нет ни одного непреложного утверждения. Чуть ли не каждый год «подчищаются» пророки: Маркс, Энгельс, Ленин. Из их «откровений» выбрасывается то тут, то другой абзац, «несозвучный эпохе». Сами писания «вождя и учителя» разделяют ту же участь, разве с той лишь разни-

цей, что здесь «непогрешимый» выступает в роли собственного фальсификатора.

Поэтому, если иной диалектик и выскажет смелую мысль (смелую потому, что по официальной версии все равны, все бесконечно счастливы), что-де социальное неравенство в нашей стране, правда, есть, но оно явление переходящее, неизбежный, дескать, этап коммунистического развития, то его «смелая мысль» будет, в самом лучшем случае, самообманом.

Властвование над рабами предполагает усиленное разделение рабов, как необходимое условие для властвования.

Пишущему эти строки довелось 10 месяцев пробыть в гитлеровских концлагерях. Каждый такой концлагерь был как бы Советским Союзом в миниатюре, в «сгущенном», так сказать, виде. В каждом из них была каста «избранных». Те же заключенные, но наделенные, за лишнюю миску супа и порцию хлеба, правом отправлять на тот свет своих же сотоварищей.

Мыслима ли была организация концлагеря без института этих «избранных»: блокманов, полицаев, капо? Мыслима ли была она без колючей проволоки, отделяющей заключенных от внешнего мира, без сторожевых вышек и собак-ищейек? Нет, не мыслима.

Мыслимо ли коммунистическое общество без «избранных» крупных партийцев, «офицеров» (с позволения сказать!) войск МВД, без лакействующих писателей и художников, без всех этих господ, имеющих доступ в закрытые распределители и катающихся в «Победах»?

Мыслимо ли коммунистическое общество без Железного Занавеса, наглухо отделяющего его подневольных сочленов от свободного мира? Без «сторожевых вышек» социалистической бдительности, сыска и доносительства?

Нет, коммунистическое общество, со-

стоящее из свободных людей, немислимо. Оно немислимо даже в условиях диктатуры, потому что, в применении к коммунизму, диктатура — явно скромное слово.

Диктатором был Юлий Цезарь. Диктатором был Наполеон. Диктатором был, короткое время, Клемансо во Франции, Пилсудский в Польше.

Диктатура — неограниченные полномочия исполнительной власти в области управления. Не больше. Диктатура, конечно, скверная вещь, ибо посягает на самое ценное в человеческой жизни — свободу. И редко диктатуры историчес-

В номере:

Д. Изотов
14 ЛЕТ КРОНШТАДТСКОГО
ВОССТАНИЯ

А. Седов
ПУТИ БОРЬБЫ

А. Авторханов
ПОКОРЕНИЕ ПАРТИИ

ки оправданы: обычно их последствия вредны.

Но диктатура в применении к коммунистическому строю все же неверное слово.

Большевизм создал целый комплекс мифов. Одним из мифов большевизма является и слово «диктатура».

Большевизм притязает на неограниченную власть над телами и над душами своих подневольных рабов. Это нечто большее, чем диктатура.

Назовем вещи своими именами: большевизм есть деспотия, лишь прячущаяся под «невинную», сравнительно с его замыслом, вывеску «диктатуры пролетариата».

И социальная структура коммунистического общества совершенно точно отвечает его замыслу: деспотия немислима без социального неравенства, доведенного до предельной степени.

Как же мы, российские революционеры, относимся к социальному разделению в нашей стране? Конечно, мы воз-